

Кенжегали
Сагадиев

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ
ВЛИЯНИЯ И
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ**

Кенжегали
Сагадиев

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ
ВЛИЯНИЯ И
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ
НАЦИОНАЛЬНЫХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ**

Алматы,
2018

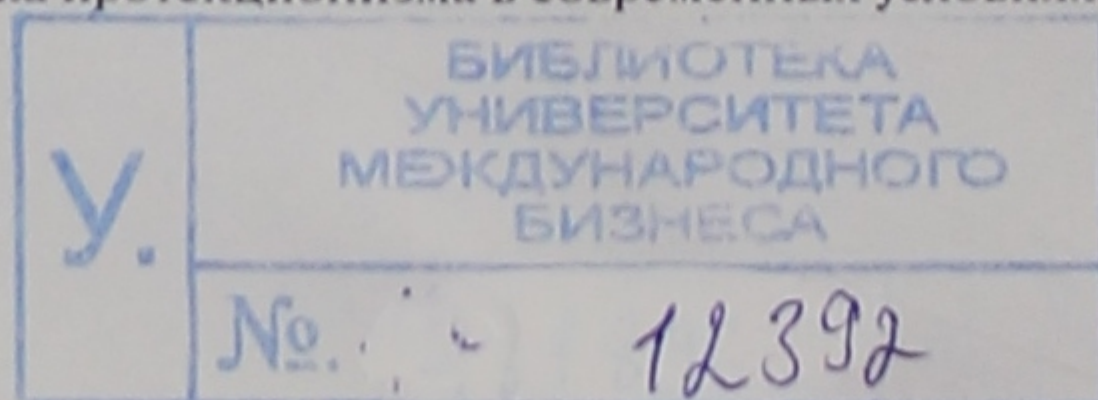
УДК
ББК
С 12

Сагадиев Кенжегали.
С 12 Глобальные центры влияния
и самостоятельность национальных правительств —
Алматы: — 52 с.

ISBN 978-601-7337-64-5

Глобализация открывает значительные возможности для отдельно взятой экономики, однако, наряду с этим, она создает огромные препятствия на пути экономического развития конкретной страны. Современная глобализация характеризуется доминирующим влиянием глобальных институтов — МВФ, ВБ и ВТО — на экономическую политику государств, особенно развивающихся, в результате которой они теряют часть своей самостоятельности.

В статье рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия национальных правительств и глобальных центров влияния, а также факторы и условия формирования самостоятельной экономической политики развивающихся стран, способствующие росту конкурентоспособности и устойчивости национальной экономики, в том числе политика протекционизма в современных условиях.

УДК
ББК

ISBN 978-601-7337-64-5

© К. Сагадиев, 2018

Буквально недавно ушла в прошлое первая четверть века нашей независимости. Это было время бурных, весьма динамичных событий для всех нас. Время крутой ломки старых стереотипов, ответственного выбора и трудных решений и больших надежд.

Одно за другим на разных уровнях, прежде всего Президентом, правительством и парламентом, принимаются программы и концепции нового общественного устройства. Мы пытаемся отойти от многих традиций, начали перестраивать свою жизнь по-новому, познавать для себя мир, перенимать опыт других стран. Пытаемся найти верные пути, способные привести нас к более лучшему уровню жизни людей, а все казахстанское общество — к более высокому уровню цивилизации.

В рассматриваемый период наиболее радикальные и глубокие реформы произошли в сфере экономики, то есть в сфере моих профессиональных интересов как ученого-экономиста. К тому же, именно на это время, приходятся главные вехи моей служебной карьеры. Главный ученый секретарь Президиума, а затем Президент Национальной академии наук. Ректор Казахской государственной академии управления, депутат двух созывов Мажилиса Парламента РК, Председатель его Комитета по финансам и бюджету, в последующем ректор еще трех ведущих университетов.

В свете вышеизложенного мне довелось стать не просто свидетелем масштабных реформ в Казахстане, а принимать участие в обсуждении некоторых их важных направлений, в разработке ряда концепций и в целом наблюдать ход реформ с довольно близкого расстояния.

Мы попытались вникнуть в суть реформ, сравнить их с тем, как они проводились другими странами и народами, высказывать и обосновывать собственную точку зрения. За 1992–2013 годы мною в Казахстане было опубликовано 5 монографий, содержащих авторское видение стратегии, тактики, моделей, концепции рыночных реформ, характеристику их достоинств и недостатков.

Презентуемая сегодня монография «Reforms in Kazakhstan: An Analytical View», выпущенная в серии книг Кембриджского Форума Центральной Азии¹ в конце 2017 года в издательстве Cambridge Scientific Publishers в Великобритании, содержит мои неопубликованные ранее выступления и записки руководству страны по стратегии и тактике рыночных преобразований, включая предложения по вводу национальной валюты и меры по обеспечению ее устойчивости. Мы посчитали также необходимым включить в нее ряд статей, из опубликованных ранее в Казахстане вышеупомянутых монографий.

11 мая 1993 г. в Алматы, через 1,5 года с начала рыночных реформ, состоялось совещание республиканского актива для обсуждения

¹ Cambridge Central Asia Forum (CCAF) Jesus College, University of Cambridge, <https://centralasia.group.cam.ac.uk/>

хода начавшихся реформ, где присутствовали руководители центра и регионов страны. Мне довелось выступить на том совещании и внести ряд предложений по корректировке курса реформ. Уместно, наверное, огласить текст того моего выступления.

«Глубокоуважаемый Президент!

Уважаемые товарищи!

Прежде всего, хочу поддержать замысел настоящего совещания. Разговор об идеологических, мировоззренческих основах нашей перестройки уже напрашивался, чувствовалась необходимость как-то остановиться, осмотреться, еще раз обдумать пути-дороги, которые выбираем.

Разумеется, Казахстан уже сделал свой исторический выбор. Вне всякого сомнения, налицо наше желание войти в семью цивилизованных народов, построить открытое демократическое общество, процветающую экономику, приобщиться к общечеловеческим ценностям. Но, чтобы сделать этот выбор реальным и зримым, нам нужны убедительные ходы и эффективные решения. Пока что мы нашли их не очень-то много.

Пока идет отступление от многих достигнутых позиций: в экономике, социальной политике, нравственности. Некоторые стороны нашей жизни приобретают опасные, кризисные черты. Все это заставляет нас еще раз задуматься над стратегией преобразований.

В более общем плане мне думается, что пришла пора вырабатывать новый, более реальный стратегический курс. Курс, учитывающий миро-

вой опыт, но без прямого подражательства действиям ближних и дальних стран. Стратегию, основанную на реалиях и возможностях казахстанского общества, и без слепого копирования пусть даже самой привлекательной, «модной» модели общественного переустройства, где-то, когда-то и кем-то апробированной.

Конечно же, архиважны все элементы и направления общественного переустройства: и наши нравственные ориентиры, и проблемы формирования казахской государственности, и многое другое. Но нельзя не согласиться с тем, что сейчас все дело в экономике.

Важность четких идеологических ориентиров реконструкции экономики несомненна. Здесь наши позиции пока что размыты, мы не определились по целому ряду принципиальных вещей. На некоторых из них мне хотелось бы остановиться. В сфере экономики мы терпим одну неудачу за другой, что в свою очередь, парализует волю народа, вызывает в нем социальную апатию и раздражение. Не раз и не два напрашивается вопрос: а все ли мы правильно делаем, насколько полно и всесторонне мы взвесили собственные возможности и реалии, приступая к формированию рыночной экономики?

Идеологию рынка мы проповедуем около 1,5 лет. Ради нее мы сломали пусть плохую, но как-то работающую систему управления, отпустили на все четыре стороны цены, а вместе с ними и товаропроизводителей. Навязана ли была нам такая идеология извне? Да, навязана,

и это надо признать. Но сейчас не в этом вопрос. Он — в другом. **В том, что рыночные сигналы в нашей экономике не срабатывают, несмотря на все старания правительства.** Крайне необходимого нам хотя бы мало-мальского улучшения положения дел в экономике не наступило и не видно, когда наступит.

Это заставляет нас усомниться в правильности и обоснованности нашей исходной позиции. Конечно же, все мы крепки задним умом. **Но, тем не менее, скажу: мы односторонне увлеклись рынком, не имея на то достаточных оснований и попросту игнорируя собственные реалии.** Мы предались рыночной эйфории, романтике, полагая, что достаточно лишь некоторого времени активных рыночных преобразований и будем иметь в кармане саморегулирующую роль рынка. Мы абсолютизировали частную собственность, не подумав, что в казахстанской социокультурной среде, воспитанной на иных традициях, такой абсолютной ценности она, по крайней мере, сейчас не имеет.

Чтобы быть правильно понятым, скажу: я — за социально-ориентированное рыночное хозяйство. Это на сегодня то лучшее, что придумало человечество для обеспечения достойной жизни людей. Но к нему надо идти очень долгим путем и вовсе необязательно и несправедливо при этом отвергать, ломать, крушить все то, что мы до этого имели, наработали, нажили. **В экономике самая удачная скорость преобразования — это не галоп, даже не рысь, а бег иноходца, позволяющий не расплескать, не растерять достигнутое, но в то же время плавно,**

постепенно и последовательно вывести ее на новое качественное состояние.

Сейчас уже ясно, что нам потребуются не годы, а десятилетия, чтобы сформировать конкурентную среду, чтобы рядом с предельно монополизированными предприятиями возникли какие-то конкурирующие производства. Объявленная программа ускоренной приватизации не сможет сколь-нибудь изменить существа дела, ибо вопрос не в смене форм собственности, а в том, чтобы возникла реальная альтернатива производителям-монополистам. Это, по всему видно, случится не скоро. Немалое время потребуется нам и для того, чтобы сформировать рыночную инфраструктуру, весь механизм, всю кровеносную артерию рынка. Те дикие формы рыночных игр, что постепенно захватывают нашу экономику, игр без правил, без четко отработанной процедуры, они способны отбросить нас назад, углубить хаос в экономике, привести к деформации массового сознания, потере ценностей, всего того, что имеем и чем дорожим. **Словом, пока рынка нет и регулировать экономику рыночными методами невозможно. Это следует констатировать.**

А отсюда надо думать о том, как вернуть управляемость экономики. Напрашивается один вывод: нужно усилить роль государственных органов в регулировании экономики. **Без активного вмешательства государства в процессы ценообразования, в инвестиционную сферу, кредитную политику вряд ли сейчас можно остановить падение производства, обуздать гиперинфляцию, выйти на**

желаемые социальные параметры нашего хозяйства. И не надо бояться правительству, всем нам прослыть консерваторами, наша действительность дает нам не так уж много возможностей для того, чтобы остановить, преодолеть нынешнюю вакханалию в экономике.

И потом. Усиление роли государства в управлении экономикой — это отнюдь не возврат к старым административно-командным методам. В мире много примеров того, как пошатнувшаяся, а тем более разваливающаяся экономика, поправлялась твердой, направляющей рукой государства, его активным вмешательством. Можно, к примеру, вспомнить Великую депрессию 1929-1933 гг., потрясшую весь капиталистический мир с его рыночным хозяйством. И только путем разумного, но, вместе с тем активного государственного вмешательства, Рузвельту удалось вывести из кризиса экономику США. На волне отхода от либерализма в пользу государственного вмешательства в экономические и социальные процессы пришел к власти президент Б.Клинтон. На основе жестко централизованной государственной политики вывели свою экономику на передовые позиции Япония, Южная Корея, то же самое делает Франция. Даже сосредоточив всю власть в руках государства можно эффективно заниматься реконструкцией экономики. Убедительный тому пример — Китайская Народная Республика.

К сказанному добавлю еще один аргумент — наш собственный. Более 90% нашего хозяйства — это государственная собственность, много времени

пройдет, пока мы ее преобразуем в иные формы. И нельзя на это время оставлять ее без активного воздействия со стороны государства, как это мы сейчас делаем и что является первопричиной многих наших бед. Эта собственность реагирует на иные, чем рыночные сигналы. Есть отработанные правила и процедуры управления ею, только ей свойственные. Надо бы их сполна задействовать. Словом, мне думается, нам нужна корректировка стратегического курса реформ. Я бы ее сформулировал так: сейчас надо формировать, развивать не чисто рыночную, а двухсекторную модель экономики, имея в виду государственный и частный секторы. Государство будет стимулировать становление частного сектора, но одновременно будет управлять общественным сектором, свойственными ему методами и принципами.

Еще один принципиальный вопрос. Мне думается, что он не столько экономический, сколько из области идеологических ориентиров на будущее. **Какую экономику мы будем строить — собственную национальную или же будем продолжать ориентироваться на сложившиеся межреспубликанские связи?** У Казахстана нет собственной экономики в подлинном смысле этого слова, его индустрия весьма слабо ориентирована на удовлетворение внутренних нужд государства. Его отрасли и регионы также весьма слабо взаимосвязаны. Я — не за экономический сепаратизм. Но в то же время, если мы не осознаем необходимость формирования на своей собственной территории единого народнохозяйственного комплекса,

позволяющего наиболее рационально использовать наши ресурсы и мощности, прежде всего на удовлетворение внутренних нужд государства, вряд ли можно будет думать об эффективности экономики. В конце концов, это проблема экономической безопасности молодого суверенного государства, его подлинного суверенитета.

Мы, конечно же, понимаем, что национальную экономику в одно мгновение не создашь, ясна также наша большая зависимость от экономики России, других стран. Но, тем не менее, мы уже больше года как суверенны, пора бы уже появиться добротной национальной программе по формированию единого производственно-экономического комплекса на территории Казахстана. Огромное психологическое, идейно-нравственное значение будет иметь для всех нас четкое, твердое заявление руководства о том, что будем строить свою национальную экономику. Особенно для тех казахстанцев, кто все еще выжидает или ищет интеграционные связи не внутри республики, а за ее пределами.

С экономическим суверенитетом, формированием собственной экономической политики связан также вопрос о национальной валюте. Год назад направил Президенту записку по этому поводу. И сегодня я убежден в необходимости ее введения. Уже практически все страны Содружества, включая Россию, так или иначе, готовы ввести собственную валюту. Выжидать в этом вопросе вряд ли целесообразно. Ибо страну уже начали наводнять дешевые деньги, не говоря о том, что финансовая стабилизация сегодня возможна только на базе

собственной валюты, собственного эмиссионного центра.

Думается, что настала пора еще раз обдумать идеологию внешнеэкономических связей. До какой степени должна быть открыта наша экономика, как нам защитить собственных товаропроизводителей от конкуренции, правильно ли мы делаем, широко торгуя нашими природными ресурсами по ценам мировым и что еще хуже — по ценам демпинговым? Казахстан посещают легионы иностранцев, идет безоглядная распродажа национального богатства. Даже если мы торгуем по мировым ценам, мы проигрываем. Ибо мировой уровень цен основан на мировом уровне производительности труда, а мы уступаем по нему в 3-4 раза. Значит у нас издержки выше и, чтобы их возместить, нам нужен уровень цен выше мирового. И если мы все-таки получаем выгоду, торгуя по мировым ценам, то только потому, что значительно недоплачиваем своим работникам за их труд. Я бы осмелился предложить несколько поднять заработную плату в Казахстане с тем, чтобы задушить, свернуть этот невыгодный для нас экспорт. Одновременно должна быть задействована протекционистская политика для защиты отечественных товаропроизводителей, пока они не обретут конкурентоспособность.

Во многом нравственные основы нашего возрождения определяются нашей способностью сформировать честную, неподкупную общественную администрацию. Это один из ключевых вопросов. Буйный расцвет взяточничества, коррупции в центре и на

местах, хищное предпринимательство, разрастающееся на глазах, возникновение немалого числа мафиозных структур, вовлечение в эти дела все увеличивающегося числа молодежи — все это способно буквально через некоторое время перевернуть нравственные устои общества. Мы залезем в болото, трясину, из которой потом долго не сможем выбраться. **Именно борьбу с коррумпированной преступностью я бы считал главным направлением идеологической деятельности.**

Нам нужны идеи, а еще лучше — конкретные дела, способные воодушевить народ. Весьма важно снять с людей апатию, мобилизовать их на реальное, осязаемое дело. Конечно, забот и хлопот у нас много, но далеко не каждый из них способен зажечь душу и сердца людей. Я вот думаю: может откликнется народ, если мы ему предложим тщательно проработанную программу возрождения казахстанской деревни, аула, земли в целом. **Она священна для казахов, да и для крестьян других национальностей тоже. Все наши нравственные основы от земли, практически вся национальная интеллигенция вышла из села.** А что если мы возрождение Казахстана начнем с обустройства нашей земли, сосредоточив для этой цели все возможности государства, все его ресурсы, весь интеллектуальный потенциал? Нам не хватит ни сил, ни внимания одновременно заниматься всем. Потому я, к примеру, именно так определил бы приоритет развития. Это была бы понятная и близкая всем общенациональная идея и она, возможно, подымет народ.

Глубокоуважаемый Президент!

Мы, выступающие, вынуждены так или иначе вам оппонировать как докладчику, что-то отвергать, что-то дополнять к сказанному вами. Но мы знаем, что вы — политический лидер, способный предложить повестку дня для нации. Мы видим ваше желание не просто отработать бремя руководства, но и наполнить дни своего лидерства воодушевлением и поэзией высоких замыслов. Проводимая вами центристская платформа дана вам от бога, это ваша идеология. И нужно сказать, что приносит она вам и всему казахстанскому обществу немало дивидендов: политическую стабильность, межнациональное согласие. Это весьма немало, если сравнить ситуацию вокруг нас. Потому мы приветствуем и поддерживаем вашу платформу. Сегодня я хотел бы пожелать вам найти еще много подобных удачных ходов, особенно в сферах социально-экономической, нравственной, что позволит народу спокойно и с чистой душой обустраивать, по-новому, суверенный Казахстан».

Вот такой вариант стратегии рыночных реформ нами был предложен в 1993 году. В том же году Президенту и премьер-министру страны были направлены две записки с подробным изложением тактических, с нашей точки зрения, ходов эволюционных реформ в экономике. Они содержали предложения:

- а) по вводу собственной национальной валюты с изложением мер по обеспечению ее устойчивости;
- б) отказа от существующей практики и введения нового механизма налогообложения юридических лиц.

Переход на косвенные методы налогообложения посредством НДС², который произошел по рекомендации МВФ, в нашей экономике был преждевременной мерой. Развитые страны такой механизм налогообложения начали применять только в условиях хорошо насыщенного рынка товарами. С введением НДС мы, наряду с либерализацией, приобрели еще один фактор роста цен. Он сейчас и работает в нашей экономике, помогая и побуждая раскручивать инфляционную спираль;

в) всемерное прекращение практики, когда основная масса кредитных ресурсов республики обслуживает только лишь торгово-посреднические операции. Установить жесткий лимит кредитных соглашений с иностранными партнерами, только незначительную их часть выделять на критический импорт (закупка лекарств и т.д.), а в основном закупать на них современные технологии и оборудование;

г) тщательное взвешивание последствий либерализации цен, подтягивания их до уровня мировых, в особенности на энергоносители. Рост цен на энергоносители вызвал и вызовет в дальнейшем инфляционную спираль и ограничивает возможность отечественных потребителей в росте энерговооруженности труда, резко снижает конкурентоспособность наших товаров из-за их высокой цены. Есть опасность, что при таком подходе в стране получат развитие только сырьевые отрасли,

² Налог на добавленную стоимость.

а обрабатывающая промышленность придет в упадок, что отчасти сейчас и происходит;

д) ключевой фактор перевода экономики на рыночные рельсы — разгосударствление и приватизация. Принятая по этому поводу национальная программа в целом поддерживается. Однако столь сложное и большое дело (в котором мы еще не имеем достаточного опыта) требует периодической «сверки» уже пройденного пути и принятия необходимых решений по корректировке курса. Наверное, есть смысл несколько отодвинуть временные рамки этой работы. Запретить практику создания в структуре госпредприятия частных МП³. Необходимо срочно разработать систему прекращения «растаскивания» госсобственности руководителями госпредприятий и их приближенными. **Купонная приватизация неэффективна ни в экономическом, ни в социальном плане, так как лишает предприятия притока средств и создает не собственника, а желающих разбогатеть немедленно, что приведет к резкому расслоению общества.**

Все вышеуказанное требует не форсировать выполнение принятой программы приватизации, а осмысливать сделанное и существенно скорректировать курс приватизации в интересах сохранения и развития экономики республики.

Это выдержки из моих записок руководству страны. Эти наши предложения, как мы надеялись, если не тянут на альтернативный вариант рыночных реформ в Казахстане, то, по крайней мере,

³ Малые предприятия.

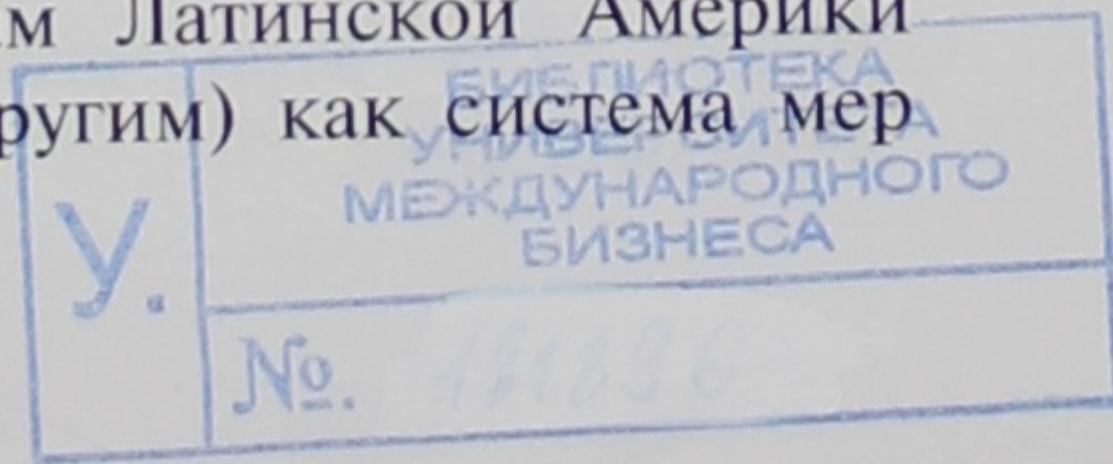
послужат поводом для корректировки некоторых ключевых положений начавшихся реформ. Возможно, оно так и было бы, но в дело вмешались мощные внешние силы и все пошло по другому сценарию.

После распада Советского Союза в только что провозгласившие свою независимость постсоветские республики, да и в другие страны постсоциалистического лагеря, был начат массовый поход многочисленных советников из развитых капиталистических стран, а также из Международного валютного фонда и Всемирного банка с проповедью идей свободного рынка, с настойчивыми предложениями принять новую религию — рыночной фундаментализм, взамен старой — марксизма.

После длительного жесткого противостояния двух систем — социализма и капитализма, двух утопий — гармонии планирования и гармонии рынка — западные страны **вовсю старались не допустить возврата республик развалившегося СССР назад к коммунистическому режиму.** И старались не просто не допустить, а всеми способами ускорить их отход от коммунистического прошлого.

Для этой цели всем странам, избравшим путь к рыночной экономике, был предложен **«Вашингтонский консенсус» — проект, разработанный Международным валютным фондом, Всемирным банком совместно с Министерством финансов США.**

Этот проект ранее, еще в 80-ые годы XX века, был рекомендован странам Латинской Америки (Аргентине, Бразилии и другим) как система мер

для борьбы с охватившим их кризисом в экономике. Он был весьма неудачным, не принесшим желаемого результата латиноамериканцам. Тем не менее, сей проект вновь был предложен странам постсоциалистического лагеря для их ускоренного перехода на рельсы рыночной экономики.

Это была весьма упрощенная модель перехода к рыночной экономике, не содержащая в себе никаких системных мер по предварительной тщательной подготовке такого перехода. А, как известно, для того, чтобы рыночные методы успешно работали в экономике, нужны институты и правила регулирования. К примеру, чтобы свободные рыночные цены безосновательно не росли, необходима конкурентная среда. Для того, чтобы нормально провести приватизацию, нужен конкурентный рынок, нужна прозрачность и еще правила, ограничивающие возникновение монополии. Подобные институты и правила необходимы для всех других видов рыночной деятельности. Без этих рыночных институтов и правил будет дикий капитализм, у которого в человеческой истории было очень много примеров.

Так вот, «Вашингтонский консенсус», рекомендуя постсоветским странам ускоренную приватизацию, рыночную либерализацию и метод фискальной экономии, то есть три основных столпа этого проекта, не содержал в себе никаких рекомендаций или хотя бы пожеланий предварительно сформировать для этой цели необходимые институты и правила игры.

Нельзя, конечно же, полагать, что те, кто настойчиво продвигал «Вашингтонский консенсус», не знали о важности этих институтов и правил и необходимости их создания, как предшественников самих радикальных преобразований. Но, соображения как можно быстрее оторвать новые независимые государства от советской действительности взяли верх над этими разумными мерами. При этом, весьма важно подчеркнуть, что ход реализации рекомендаций «Вашингтонского консенсуса», соответствие темпа экономических преобразований Международным валютным фондом прямо и непосредственно увязывались с объёмами и сроками выдачи кредитных ресурсов, запрашиваемых страной в условиях острейшего кризиса. А в них, то есть в кредитных ресурсах, в то чрезвычайное время нуждались все постсоветские страны, начавшие переход к рыночной экономике. Знающие люди говорили, что в МВФ был разработан своего рода «оценочный лист» — кто и как хорошо исполняет рекомендации «Вашингтонского консенсуса» и это предопределяло возможности их доступа к деньгам МВФ и других международных доноров.

Были ли у стран постсоциалистического лагеря возможности противостоять такому жестокому давлению? Если они и были, то весьма незначительные, не позволившие серьезно влиять на ход событий. Советский Союз потерпел крушение своей идеологии. И это угнетало волю людей к реальной оценке своих действий и всей действительности. Не было элементарных знаний о рыночной экономике у огромной массы советских людей, ибо в учебных заведениях не преподавались

даже азы рыночной экономики. К тому же, нас всех завлек туда вековой опыт развития стран с рыночной экономикой, позволивший им создать конкурентоспособные государства, и обеспечить высокий уровень жизни народа. **У несведущей массы людей это породило рыночную эйфорию, рыночную романтику.**

Распад Советской империи в корне поменял ситуацию на мировом рынке. С этого времени страны со зрелой рыночной экономикой, производившие 80% мирового валового продукта, на которые также приходилось 70% объема международной торговли и от 70-90% прямых иностранных инвестиций, диктовали правила игры в мировой экономике. Всей указанной огромной массой ресурсов и возможностей они способствовали тому, что новые развивающиеся страны выбрали проповедуемую ими неолиберальную политику, а рекомендации «Вашингтонского консенсуса» — как основополагающий постулат для строительства рыночной экономики. Международные экономические организации — МВФ, ВБ и ВТО, находившиеся под бесспорным влиянием вышеуказанных стран, с имеющимися у них мандатом и возможностями, обязаны были проводить эту неолиберальную политику и обеспечивать контроль и реализацию рекомендаций «Вашингтонского консенсуса».

И еще. После распада Советского Союза и разрыва десятилетиями сложившихся хозяйственных связей между товаропроизводителями на всем постсоветском пространстве наступил коллапс экономической жизни. Простаивали многие предприятия — одним не

хватало сырья, другие — не смогли сбыть готовую продукцию. Это привело к острой нехватке денег, их не хватало не то что на развитие экономики, но и на удовлетворение повседневных нужд общества: на выплату заработной платы, пенсий, пособий и т.д.

В этих условиях единственной международной организацией, которая могла помочь новым независимым республикам, был МВФ, созданный с целью оказания финансовой поддержки государствам, имеющим проблемы с платежным балансом. А он не отказывал в помощи. Но условия выдачи кредита, его объемы и сроки выдачи, как мы ранее указывали, МВФ очень тесно увязывал с ходом выполнения требований «Вашингтонского консенсуса». Таким образом, круг замкнулся. **Было принято безальтернативное решение: строительство рыночной экономики в новых постсоветских республиках проводить в строгом соответствии с рекомендациями «Вашингтонского консенсуса», а Международному валютному фонду, Всемирному банку имеющимися у них ресурсами обеспечить контроль и реализацию вышеуказанных рекомендаций.**

Итак, мы начали выполнять вышеперечисленные условия. В первую очередь отменили порядок централизованного утверждения цен на товары и услуги, дали им свободу. В условиях отсутствия конкурентной среды цены сразу же выросли в десятки, сотни раз. Как рассказывал бывший министр финансов Казахстана А.С.Павлов, в тот период цены на товары и услуги выросли в среднем на 2520%. Такая ситуация привела к колоссаль-

ным трудностям во взаимоотношениях между товаропроизводителями и потребителями, породив гиперинфляцию и серьезные перебои в экономической жизни только что обретшего независимость государства. Она уничтожила сбережения большинства людей. А попытка подавить инфляцию жесткой фискальной экономией привела к банкротству предприятий, серьезному сужению масштабов экономической деятельности в стране.

Далее мы приступили к масштабной приватизации государственного имущества. Не принимая во внимание, что такая весьма ответственная акция требует очень серьезной подготовки, что за рубежом на приватизацию даже одного более или менее стоящего объекта уходят годы, мы, в Казахстане, всего лишь за 5-6 лет все государственное имущество, его основную часть, попытались обратить в частную собственность. Рыночное поведение экономических агентов производно от рыночных институтов, но создание самих рыночных институтов, в первую очередь, системы прав собственности, зависит от деятельности только одного из экономических агентов — государства. В тот период правительство РК не было готово создавать правила рыночной игры и самому играть по этим правилам. Отсюда, без тщательной, должной подготовки проведенная приватизация привела к тому, что мы потеряли в цене многих вещей. Некоторая часть имущества перешла за бесценок в руки иностранных владельцев, а большая часть государственной собственности перешла не к аутсайдерам, а к инсайдерам (менеджменту и персоналу предприятий), и это одна из причин того, что в РК не сформирова-

ровался эффективный частный собственник. Все это породило монополию, а отечественные олигархи, ныне тщательно скрывающие свои богатства во всевозможных офшорах, начали появляться в Казахстане именно в этот период.

Следуя вышеуказанным рекомендациям, мы провозгласили казахстанское общество открытым и либерализовали сферу торговли. Не имея необходимого опыта международного сотрудничества, не зная достаточно хорошо конъюнктуру мирового рынка, понесли ощутимые потери, продав задешево некоторую часть имущества и природных ресурсов. Массовый наплыв из заграницы одежды, обуви, в целом большой номенклатуры ширпотреба, а также мясных, молочных и многих других продовольственных продуктов привел к угнетению, а нередко, к частичной и даже полной остановке, отечественных предприятий легкой и пищевой промышленности. **Сейчас, даже через четверть века после начала реформ, огромную массу продовольственных и непродовольственных товаров республика продолжает завозить из зарубежья. Весьма серьезные, ощутимые потери понесли и другие отрасли и сферы отечественной экономики. МВФ потребовал снять ограничения с движения капитала, причем эту либерализацию он ставил превыше всего. А она, эта скоропалительная либерализация, открыла доступ в страну «горячих» денег, проще говоря, спекулятивного капитала.**

В целом к 1995 году, всего за 5-6 лет после начала реформ ВВП Казахстана сократился на 40%. Аналогичные большие потери имели и другие постсоветские республики, в 1990-1991 годах

начавшие рыночные реформы в духе рекомендаций «Вашингтонского консенсуса». По данным Всемирного банка в 2000 году, т.е. через десять лет после начала реформ, ВВП Российской Федерации составил менее двух третей от уровня 1989 года. За этот период ВВП Украины сократился до одной трети от исходного уровня, а Молдова вовсе потеряла 70% своего ВВП. Остальные около двух десятков стран (Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Узбекистан и другие) проводившие реформы, также понесли аналогичные потери.

Таким образом, итоги первого десятилетия рыночных реформ по рецепту «Вашингтонского консенсуса» для постсоветских республик оказались просто разрушительными. Во всех вышеуказанных странах весьма существенно снизился уровень жизни населения. Вместо ожидаемых великих возможностей мы встретились с великими вызовами. У победы, как говорится, много авторов, у поражения — ответчик один. В случаях, когда происходят серьезные перебои в экономике, вина за это обычно ложится на национальное правительство. И в данном случае оно виновно в том, что не предусмотрело все ухабы нового пути, предалось рыночной эйфории, слепо доверилось рекомендациям «Вашингтонского консенсуса». Сказалось вышеуказанное внешнее давление, отсутствие высококвалифицированных специалистов по рыночной экономике в постсоветских странах. Одновременно значительную долю этой вины я бы адресовал центру, т.е. Российской Федерации, ибо, как известно, все другие советские республики самостоятельно не занимались внешнеэкономи-

ческой деятельностью. В центре, то есть в Москве, формировалась внешнеэкономическая политика Советского Союза, там же подписывались торговые соглашения с другими странами, были научно — исследовательские институты и вузы, подобные МГИМО, изучавшие мировой рынок и готовившие для этой цели кадры. Словом, интеллектуальной потенциал и специалисты по внешнеэкономическим связям находились в Российской Федерации, но, к сожалению, от них остальные республики не слышали каких-нибудь внятных возражений относительно неподготовленных рыночных реформ.

Но, главную причину провала первого десятилетия рыночных реформ в Казахстане и других постсоветских республиках, мы видим в несостоятельности, в нежизнеспособности рекомендаций «Вашингтонского консенсуса» и в том, что Международный валютный фонд и, в определенной степени, Всемирный банк, с имеющимися у них мандатом, возможностями и ресурсами активно проталкивали, в буквальном смысле навязали сей проект странам постсоциалистического лагеря для их перехода на рельсы рыночной экономики.

Ученые и специалисты, хорошо знакомые с кухней Белого дома, говорят и об активной роли администрации США и Министерства финансов США в том, что они настойчиво предлагали приватизацию, дерегулирование, либерализацию и другие рецепты «Вашингтонского консенсуса» странам, начавшим переход к модели рынка, хотя они сами воздерживались от подобных шагов в своей экономике.

Как свидетельствует бывший руководитель Совета экономических консультантов при администрации президента США Б.Клинтона, бывший главный экономист Всемирного банка, Лауреат Нобелевской премии, доктор Джозеф Стиглиц: «Когда я перешел с поста президентского Совета экономических консультантов на должность главного экономиста во Всемирном банке мне показалось наиболее тревожным то обстоятельство, что МВФ и Министерство финансов США часто выступали за рубежом именно с таких позиций, которые были противоположны тому, что мы отстаивали у себя на Родине. Мы боролись у себя против приватизации системы социального обеспечения в то время, как проталкивали ее за рубежом. Дома мы боролись против поправки к Конституции, требующей сбалансированности бюджета, которая ограничивала бы наши возможности использования экспансионистской фискальной политики в случае спада, но мы за рубежом требовали свертывания бюджетных расходов от стран, где начиналась рецессия. Дома мы боролись за закон о банкротстве, защищающий дебиторов и дающий им возможность возобновить дело, за рубежом мы рассматривали банкротство как нарушение кредитного контракта. В наших внутренних делах мы добивались изменения устава Федеральной резервной системы, концентрировавшего внимание исключительно на инфляции, ибо мы были встревожены тем, что ФРС уделяет недостаточно внимания созданию рабочих мест. За рубежом мы требовали, чтобы центральные банки занимались только проблемами инфляции.

В США мы признавали границы рыночного механизма и считали, что государство должно играть важную (хотя ограниченную) роль. Но, хотя мы сами не верим в рыночный фундаментализм, как в концепцию, согласно которой рыночный механизм может сам решить все проблемы экономики (общества), мы пропагандировали рыночный фундаментализм для остального мира.

Идеи рыночного фундаментализма нашли отражение в базовой концепции развития (а также управления кризисами и перехода от коммунизма к рыночной экономике), которую отстаивали МВФ, Всемирный банк и Министерство финансов, начиная с 1980-х годов; в стратегии, которую часто называли «неолиберализмом» или, поскольку большинство ее основных разработчиков находились в Вашингтоне, именовалась также «Вашингтонским консенсусом». Она включала минимизацию роли государства посредством приватизации предприятий, находившихся в государственной собственности, свертывания государственного регулирования и государственного вмешательства в экономику»⁴.

Как явствует из вышеизложенного, в центре принятия принципиальных рекомендаций постсоветским республикам были МВФ, ВБ и имеющее весьма серьезное влияние на эти международные организации Министерство финансов США. Профессор Джозеф Стиглиц прямо указывает на то, что вышеуказанные рекомендации были выработаны ими совместно.

⁴ Джозеф Стиглиц. Ревущие девяностые. Изд-во: Современная экономика и право, 2005. С.156.

В своем выступлении на упомянутом выше совещании республиканского актива в Алматы в 1993 году мне приходилось говорить, что шоковая терапия, «Вашингтонский консенсус» в целом как система мер по переходу на рыночные методы хозяйствования для новых независимых республик, была навязана извне, она не соответствовала, не отвечала реалиям этих стран. Мне тогда не удалось как — то развернуто, аргументированно обосновать миссионерскую роль Международного валютного фонда и их младшего партнера — Всемирного банка, в проведении скоропалительных реформ на постсоветском пространстве. Сейчас, наверное, уместно сказать, как зарождалась, набирала силу и крепла миссионерская роль этих организаций.

Международный валютный фонд был создан в 1945 году на основе Бреттон-Вудской международной конференции, где рассматривались проблемы мировой экономики и меры по обеспечению ее устойчивого развития после окончания Второй мировой войны. Его задачей было содействовать стабильности мировой экономики путем контроля за состоянием экономики стран, способных подорвать эту стабильность. А также оказывать кредитными ресурсами помощь странам, нуждающимся в них вследствие нарушения платежного баланса. Мировой банк, точнее Международный банк реконструкции и развития, созданный в том же году вышеуказанным соглашением, призван был оказать финансовую помощь европейским странам, разрушенным войной, а также бороться с бедностью, оказать поддержку развитию

постколониальных стран путем финансирования их инфраструктурных проектов (дорог, мостов, плотин и т.д.).

Международный валютный фонд — это общественный институт, учрежденный на взносах всех стран мира. Размер взноса зависит от экономической мощи каждой страны. И поскольку взносы развитых стран гораздо больше, чем у менее развитых или бедных стран, фонд, при решении того или иного вопроса, склонен больше прислушиваться к голосам экономически более состоятельных стран. Проще говоря, среди 189 членов МВФ в настоящее время командуют парадом в основном развитые страны, а право вето на решения МВФ имеет одна единственная страна мира — США.

Хочу еще раз подчеркнуть: первоначальный замысел создания МВФ состоял в том, что у рыночного механизма случаются сбои, он нередко не срабатывает, что может привести к серьезным трудностям и массовой безработице, к нестабильности в мировой экономике. И вышеуказанные функции, мандат и ресурсы Международного валютного фонда должны были помочь сохранить ее стабильность.

В начале так и было — Международный валютный фонд выдвигал те или иные условия отдельным странам, непосредственно связанные с состоянием их платежного баланса, к примеру, когда происходит девальвация их национальной валюты. Затем МВФ начал ставить своим клиентам условия, связанные с государственным бюджетом, мотивируя это тем, что бюджетный дефицит в развиваю-

щихся экономиках является важным фактором их нестабильного развития. А государственный бюджет страны, как известно, основной документ, определяющий политическую волю, стратегические направления и параметры развития национальной экономики суверенной страны на определенный отрезок времени. И если требования МВФ распространяются в отношении бюджетного дефицита, т.е. на параметры национальной экономики, то это уже весьма серьезно. Это значит, что ответственность за развитие экономики той или иной страны берет не только его национальное правительство, но и наднациональная организация, каковым является МВФ. В действительности, **надо это отметить, за рекомендуемые странам те или иные решения, за их недостатки и провалы никакой ответственности МВФ непосредственно не несет.**

В рамках бюджетного процесса МВФ рекомендовал странам провести приватизацию госпредприятий, мотивируя тем, что в развивающихся странах они имеют большие убытки, что влияет на бюджетный дефицит. С одной стороны это, конечно, подталкивало страны к смене форм собственности и переходу на рыночную модель, с другой — усилило влияние МВФ на те или иные управленческие решения, принимаемые странами в рамках своей компетенции.

В 1982 году в странах так называемого «третьего мира» случился долговой кризис. Масштабный, грозный, что встревожило международные финансовые организации. В этих условиях, как указывает доктор Джозеф Стиглиц, роль МВФ

и ВБ изменились радикально. Они, в отличие от прошлой практики, стали давать развивающимся странам больше политических рекомендаций. Была разработана специальная программа структурной перестройки — SAP (structural adjustment program). Она охватывала гораздо более широкий круг политических вопросов, чем позволял им установленный Бреттон-Вудским соглашением их первоначальный мандат. **Начиная с этого момента, эта международная организация стала еще шире и глубже участвовать, иначе говоря, принимать непосредственное участие в разработке весьма серьезных аспектов экономической политики развивающихся стран.** Наряду с бюджетным процессом, о котором говорилось выше, они вторгались в такие сферы национальной экономики как промышленное регулирование, сельскохозяйственное ценообразование, регулирование рынка труда и т.д. Международный валютный фонд не поддерживал попытку отдельных стран проводить более экспансионистскую политику с помощью увеличения бюджетных расходов, снижения налогов, процентных ставок в целях стимулирования роста экономики. А такая политика, как известно, выводила немалое число стран из кризиса, и позволяла им встать на путь устойчивого развития. Международный валютный фонд выделял кредитную помощь, как правило, только тогда, когда страна соглашалась проводить политику сокращения бюджетного дефицита, повышения налогов и процентных ставок. Это политика не могла не способствовать сжатию экономики, что случилось в Казахстане и в других республиках.

Все это означало, что в лице Международного валютного фонда появился альтернативный центр, который наряду с собственными институтами национального государства, имеет мандат принимать принципиальные решения по его экономической политике. Причем в отличие от собственных институтов альтернативный центр, т.е. МВФ, как мы уже отмечали, не несет ответственности перед этим государством за результаты и последствия рекомендуемой им политики.

Как указывает профессор Джозеф Стиглиц: «Наиболее драматичные изменения произошли в этих институтах в 1980-е годы, в эру, когда Рональд Рейган в Соединенных Штатах, а Маргарет Тэтчер в Соединенном Королевстве проповедовали идеологию свободного рынка. МВФ и Всемирный банк стали новыми миссионерскими институтами, через которые эти идеи проталкивались в сопротивляющиеся, но испытывающие острую нужду в кредитах и грантах, бедные страны. Министерства финансов бедных стран были готовы принять новую веру, если это требовалось для получения фондов, невзирая на то, что подавляющее большинство государственных чиновников и, более того, население этих стран чаще всего продолжали сомневаться в необходимости предлагаемых мер»⁵.

Еще больше возросла роль МВФ, когда в 1990-х годах все страны посткоммунистического режима начали реформы, стремясь перейти на рельсы рыночной экономики. Они остро нуждались

⁵ Джозеф Стиглиц «Глобализация: тревожные тенденции», издательство Мысль, 2003 г., стр. 13.

в деньгах, обращались в МВФ с просьбой выдать кредиты. А он, МВФ, прямо и непосредственно стал связывать условия их выдачи с весьма важными аспектами политики и государственного управления суверенных стран. Вторгся, в частности, в такие аспекты жизнедеятельности государства как демократия, децентрализация госуправления, независимость Центрального банка, корпоративное управление, либерализация движения капитала.

Мы так подробно останавливаемся на миссиях Международного валютного фонда и его младшего партнера — Всемирного банка с тем, чтобы показать первостепенную роль этих международных организаций в выработке стратегии и тактики рыночных реформ на постсоветском пространстве, в том числе в Казахстане. Они наставили нас на ускорение темпов реформ, предложив шоковую терапию, они определяли последовательность ускоренных шагов реформ — либерализацию, дерегулирование, приватизацию. Они подсказывали ключевые элементы экономической политики: параметры и уровень дефицита бюджета, процентную ставку Национального банка. Они рекомендовали основные принципы денежно-кредитной политики, корпоративного управления, фискальной политики. Словом, в лице Международного валютного фонда, мы, обретшие независимость после распада Советского Союза республики, встретились с мощным, весьма влиятельным, имеющим мощный международный мандат миссионерским институтом, который за нас принимал судьбоносные решения по рыночным реформам.

А что делали национальные правительства? Они в лучшем случае играли дублирующую, принятых в Международном валютном фонде решений, роль. Отсюда, ответственность за провалы первого этапа реформ в Казахстане, да и в других постсоветских республиках, лежит на указанных международных организациях. Что же касается деятельности национального правительства в этот период, то она была направлена на напряженные поиски выхода из этого провала, на мобилизацию всех ресурсов и возможностей общества и государства с тем, чтобы удержать ситуацию, не скатиться в «третий мир». К чести Президента Нурсултана Абишевича Назарбаева следует сказать, что он стремился отказаться от шоковой терапии. Как он пишет в своей недавно опубликованной книге «Эра независимости» он просил президента России Бориса Ельцина отложить либерализацию цен хотя бы на один год, а также договорился с ним, что Казахстан в целях сохранения сложившихся экономических связей останется в рублевом пространстве. К сожалению, пишет Н.А. Назарбаев, руководство России не выполнило эти договорённости, в 1992 году начало либерализацию цен, а после этого объявило о проведении собственной валютной политики.

Можем сегодня сказать, что напряженные поиски выхода из этой чрезвычайно сложной ситуации правительству Казахстана удались. Мы сумели преодолеть первоначальный шок, не скатиться в «третий мир», сохранить себя в семействе развивающихся стран, точнее сказать, в группе стран

с переходной экономикой. И не просто сохранить, а принять серьезные экономические, социальные и гуманитарные программы, которые не отдалили, а, наоборот, приблизили нас к достижениям мировой цивилизации.

В Казахстане была принята и реализована программа роста конкурентоспособности, которая подняла нас в международном рейтинге данного показателя с 78-го на 53-е место, по технологическому уровню производства мы продвинулись с 82-го на 56-е место, по инновационному потенциалу — со 101-го на 59-е место. По экспортному потенциалу Казахстан сейчас занимает 43 место среди всех государств мира.

Уже седьмой год мы реализуем весьма масштабную, имеющую стратегическое значение, программу ускоренного инновационно-индустриального развития страны. Завершилась ее первая пятилетка, продолжается вторая. Ее дополнили также важной программой «Модернизация 3.0». А в 2017 году разработана еще одна новая программа развития страны на базе цифровых технологий — «Цифровой Казахстан».

Если сказать коротко, эти программы способны совершить индустриальную революцию в нашей экономике, оснастить нашу индустрию новейшими технологиями и техникой, вывести ее на новую технологическую стадию, обеспечивающую высокий рост производительности труда и настроенную на инновационное развитие, на широкое использование научных достижений и современного знания. Все это должно привести к росту конкурентоспособности нашего национального хозяйства.

Мы поставили цель создать общество, обеспечивающее высокий уровень жизни граждан. Мы ее пока не достигли. Наше правительство часто критикуют за низкий уровень жизни, за бедность определенных слоев населения, за коррумпированность чиновников. С этим нельзя не соглашаться, это действительно имеет место. Отсюда необходимость очень жесткой борьбы с этими явлениями, которая сейчас проводится и должна быть обязательно продолжена в будущем.

А подвижки в уровне жизни есть. Сейчас Казахстан по важным показателям социально-экономического развития занимает 50-55-е места в мире по ИЧР ПРООН. Это значит — мы оставили позади самый отсталый, бедный эшелон среди 189 государств мира, ушли вперед даже от их золотой середины, сумели приблизиться к группе находящихся в авангарде развитых государств. Словом, за 26 лет со дня обретения независимости существенно поднялась наша дислокация в мире и это, несомненно, в лучшую сторону. Это авторитетная, миролюбивая страна мира, во главе со своим лидером, человеком выдающегося ума Нурсултаном Назарбаевым, шаг за шагом, последовательно и настойчиво добивающаяся своей главной цели — войти в ряды самых развитых стран. В опубликованных мною монографиях подробно изложен ход реформ в Казахстане за первую четверть века независимости и вряд ли целесообразно повторяться здесь по этому поводу. Правильно будет уделить внимание некоторым новым проблемам.

Нам сейчас необходим еще более существенный прорыв в социально-экономическом развитии Казахстана. Мы долгое время боремся с последствиями мирового кризиса, начавшегося в 2008 — 2009 годах, а наш банковский сектор не то что переборол этот кризис, но угрожает Казахстану еще более тяжелыми последствиями. Впрочем, не только казахстанская, а вся мировая экономика еще полностью не смогла преодолеть сей кризис. Мир еще не знает, к каким последствиям приведут те триллионы и долларов, и евро, в течение 7-8 последних лет влитых в экономики США и Евросоюза во имя их спасения.

В мире нарастает неравенство в социально-экономическом развитии государств. Богатые страны продолжают богатеть, а бедные продолжают еще больше беднеть. Об этом говорят все, и маститые ученые, и рядовые специалисты, и даже государственные деятели. На Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2014 году было сказано, что всего 85 миллиардеров мира обладают теми же богатствами, что и 3 миллиарда людей, или половина жителей нашей планеты. А через год обладателей этого богатства стало еще меньше — всего 80 человек. В последнее десятилетие XX века при росте общемирового дохода в среднем на 2,5%, число людей, живущих в бедности, выросло на 100 млн. человек. Таков тренд неравенства государств в мире.

Свою весомую долю в это неравенство вносят развернувшиеся во всем мире процессы глобализации. В более общем плане глобализация не сулила никому ничего плохого. Свой государствен-

ный суверенитет Казахстан обрел в эпоху, когда в мире наметилась тенденция к более широкому сотрудничеству между странами и народами, к более интенсивному обмену технологиями и знаниями. Она открыла таким странам, как Казахстан, расширенный доступ к рынкам, технологиям, знаниям, культуре разных народов. Уменьшилось чувство изоляции от остального мира некоторых стран и народов, по разным причинам (географическим или другим) имевшим ограниченные возможности доступа к благам мировой цивилизации.

Но все больше людей считают, что современная глобализация приносит человечеству больше вреда, чем пользы. Что она усиливает неравенство в мире, способствуя богатым странам богатеть еще больше, незаслуженно больше, а бедные страны еще больше загоняет в тиски бедности. **И справедливо считается, что в этом виноваты идейная основа, заложенная в основу глобализации, и тот рыночный фундаментализм, что усиленно пропагандируют и проталкивают в жизнь современных обществ МВФ, ВБ, а в последние 15-20 лет, еще и Всемирная торговая организация.**

Сейчас подвергается суровой критике теория сравнительных преимуществ, выдвинутая в XIX веке английским экономистом Давидом Рикардо, которая стала идейной основой рыночного фундаментализма, ядром или осью мирового экономического порядка, которую сегодня проталкивают вышеуказанные международные организации.

В мою задачу не входит подробное описание ее постулатов. Отмечу лишь то, что теория Рикардо, которую сегодня именуют стандартной экономической наукой, является идейной основой

современной глобализации, это крайняя степень абстракции и экономического сценария, подобно тому, как шахматная партия — крайняя степень абстракции военных действий. Она несостоятельна, более того, оторвана от реальной жизни в своем утверждении, что участвуя в свободной торговле можно выровнять экономические отношения между странами и регионами, добиться гармонии экономической жизни.

Сейчас имеются обстоятельные исследования по истории экономического развития различных стран планеты с подробным анализом факторов их успеха и неудач. Автор исследования 500-летней истории мировой экономики Эрик С. Райнерт⁶ пишет, что не теория Рикардо, а с 1700 года другое железное правило двухсторонней торговли имело большое распространение в Европе: если страна экспортирует сырьевые товары, а импортирует промышленные товары, то она ведет невыгодную торговлю. Если страна импортирует сырьевые товары, а экспортирует промышленные товары, то торговлю ведет выгодную. Именно так поступали ведущие европейские державы.

Все развитые капиталистические страны, которые сегодня не просто ратуют за глобализацию, а усиленно проталкивают ее, прошли через защиту собственного рынка, длительное время проводя протекционистскую политику. В 1841 году

⁶ Эрик С. Райнерт, Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными, Высшая школа экономики. — М.: Изд. Дом Гос. Ун-та — Высшей школы экономики, 2011 г.

немецкий экономист Фридрих Лист подверг критике Британию за то, что она проповедует свободу торговли другим странам, в то время как сама она достигла экономического превосходства посредством высоких тарифов и громадных субсидий. Он обвинил Британию в том, что она «вышибает» лестницу, по которой сама взобралась на вершину мировой экономики. **«Это очень распространенный прием, когда кто-нибудь достигает вершины величия, он вышибает лестницу по которой поднялся, чтобы лишить других средства подняться вслед за ним», — пишет профессор Кембриджского университета Ха-Джун Чанг⁷.**

Фридрих Лист рекомендовал всем странам разработанный им самим рецепт «правильной глобализации»: свободная глобализация должна вводиться после того, как все страны мира будут индустриализованы, только тогда она будет выгодной всем без исключения. Все развитые на сегодня капиталистические страны следовали этой «правильной глобализации».

В первую очередь следовала ей Британия, первая страна классического капитализма, около двух столетий, начиная с эпохи Тюдоров (1485 г.), пока не была создана мощная промышленность, способная выдержать конкуренцию в условиях свободной торговли. США понадобилось 150 лет для подготовки своей экономики к выходу на конкурентный рынок. Также поступали и другие ведущие страны Европы.

⁷ Ха-Джун Чанг «Недобрые самаритяне: Миф о свободе торговли и тайная история капитализма», 2008 г., стр.11.

Как пишет профессор Ха — Джун Чанг, труды Фридриха Листа были переведены на многие языки, а предложенный им инструментарий использовали Япония, начиная с периода реставрации эпохи Мейдзи с 1860 года, а также Южная Корея — страна, которая в 1950 году была беднее Танзании, начиная с 1960 годов.

Происходящий ныне в мире процесс глобализации радикально отличается от вышеприведенных примеров. Западные страны подтолкнули бедные страны к снятию торговых барьеров, несмотря на то, что у них не были созданы условия для выгодной для себя торговли на конкурентном рынке. **А что касается постсоветских стран, то скоропалительное их вхождение в орбиту глобализации привело к угнетению или даже к подавлению ранее работавших в этих странах многих отраслей индустрии, быстро превратив их в страны преимущественно аграрного сектора и торгующих природными ресурсами.**

В продвижении идеологии рыночного фундаментализма и основанной на ней глобализации активную роль, как уже говорилось выше, играют МВФ и ВБ, поддерживаемые клубом развитых западных стран. Вдобавок к этому следует отметить Всемирную торговую организацию, которая тоже вносит свою лепту в развертывание безоглядной глобализации в мире.

Данная международная организация также была создана в 1948 году на основе Бреттон-Вудских соглашений с целью гармонизировать международный обмен (торговлю) товарами и услугами. Однако, со временем, и она стала лобби-

ровать интересы развитых западных стран. Нередки сейчас утверждения, что она защищает интересы транснациональных компаний и что она не более чем инструмент, которым развитые страны взламывают рынки развивающихся стран.

Эта ее роль особенно усилилась после развала Советского Союза. Уже в 1990 году многие бедные страны стали говорить, что мир вернулся в эру несправедливых торговых соглашений. В 1994 году Марракешским соглашением был принят новый правовой режим ВТО, в основе которого лежит принцип «единого пакета». Это означало, что страны, желающие вступить в члены ВТО, должны в едином пакете подписать все соглашения. А, при ранее действовавших правилах Генерального соглашения по торговле и тарифам (ГАТТ — в 1995 году оно было переименовано в ВТО), страна, желающая вступить в него, имела право не подписывать те или иные тарифные соглашения, если они не отвечали ее национальным интересам, то есть они могли прибегать к комбинации протекционизма и открытой торговли, постоянно настраивая и перенастраивая свою торговую политику на меняющиеся условия. **Введение принципа «единого пакета» привело к существенному снижению тарифной автономии членов Всемирной торговой организации, в особенности тех стран, что вступили в нее после 1995 года.**

Были ли страны, которые не следовали рекомендациям вышерассмотренных международных институтов и осуществлявших развитие экономики на основе собственного сценария? Да, были и есть.

Это, прежде всего, КНР, Индия, Южная Корея. Они отвергли шоковую терапию, не приняли рекомендации «Вашингтонского консенсуса». Постепенно и последовательно, с большой осторожностью начали проводить реформы, приведшие к возникновению новых, современных отраслей промышленности, сумели оградить их на стадии становления от внешней конкуренции посредством высокой тарифной защиты, сконцентрировать силы и средства на решающих участках национальной экономики, включая и иностранные инвестиции. А успехи этих стран просто поразительны, их знает и восхищается ими весь мир.

Если какие-то из рекомендаций «Вашингтонского консенсуса» и были использованы в экономическом развитии стран Юго-Восточной Азии («Азиатских тигров») в XX веке, то они не имели самодовлеющего значения благодаря тому, что ключевые моменты реформ крепко держали в своих руках правительства этих стран. Они твердо направляли эти реформы в соответствии с выработанной для этой цели национальной стратегией, а не играли роль «ночного сторожа», как это было рекомендовано Международным валютным фондом. И сегодня эти страны — Малайзия, Южная Корея и другие находятся в авангарде мирового экономического развития.

Выше мы говорили, что поддавшись беспрецедентной агитации и давлению Запада все 28 стран (бывшие Советские республики и восточно-европейские государства социалистического лагеря) методом шоковой терапии начали переход

к рыночной экономике. Через 1,5-2 года после начала этого перехода Польша, Венгрия, Словакия и Словения, осознав весьма большую ущербность этих быстрых, неподготовленных как следует мер, отказались от шоковой терапии и перешли на путь постепенных и последовательных реформ. **Международные обозреватели единодушны в том, что эти четыре страны Восточной Европы допустили меньше издержек в процессе рыночных реформ, нежели Чешская Республика, полностью следовавшая рекомендациям «Вашингтонского консенсуса».**

Издержки остальных стран, включая Россию, как ведущей страны бывшего социалистического лагеря, как нами уже отмечалось, оказались чрезмерно большими, если не сказать громадными. За прошедшие 26 лет рыночных реформ ни одной из постсоветских республик не удалось сделать такой прорыв в экономическом развитии, который за такой же отрезок времени совершили Южная Корея, Малайзия или Китайская Народная Республика. Это уже серьезный повод усомниться в действенности проводимой ныне экономической политики. Особенно не впечатляют успехи постсоциалистических стран в социально-экономическом развитии. **«Никто не хочет об этом говорить, — подчеркивает Эрик С.Райнерт, — что даже известная своей неэффективностью промышленность коммунистических стран поддерживала жизненный уровень населения более высоко, чем сегодня это делает капитализм».**

Таким образом, можно констатировать, что внешнеэкономическая ситуация, в условиях кото-

рой проходят рыночные реформы в Казахстане, да и в других развивающихся странах, недостаточно благоприятна для серьезных позитивных перемен. Усиливается миссионерская роль Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации с тем, чтобы продвигая глобализацию, обеспечить западным странам непропорционально большую долю выгод за счет развивающихся стран. Предлагаемые ими правила игры на мировом рынке не только недостаточно учитывают интересы бедных и развивающихся стран, но и ограничивают возможности национальных государств и их правительств в проведении самостоятельной экономической политики. За долгие годы ни одна страна мира, следовавшая рекомендациям «Вашингтонского консенсуса» и приверженная курсу рыночного фундаментализма, не смогла добиться сколь-нибудь заметных результатов в своем развитии. Глобализация не преуспела ни в сокращении бедности, ни в обеспечении стабильного развития мировой экономики. Можно даже утверждать, что кризисы стали частыми, а их последствия более разрушительными.

Словом, ситуация в мировой экономике требует перемен. Это могут быть серьезные перемены в идеологии рынка, проводимые вышеперечисленными международными организациями. Это могут быть перемены в политике глобализации, более полно учитывающие интересы всех стран планеты, а не только группы государств. Именно в этом плане, в плане установления справедливых для всех правил игры на мировом

рынке, в средствах массовой информации вносились предложения от отдельных стран, государственных, межгосударственных и разного рода общественных организаций. Но эти предложения не находят пока применения ввиду заинтересованности западных стран сохранить нынешний статус — кво.

В этих условиях представляется целесообразным национальному правительству внести определенные коррективы в проводимую им экономическую политику с учетом вышеизложенных реалий современного мира, а также возможностей собственной страны. **Казахстанскому правительству, не оглядываясь на советы посторонних, надо прочно «сесть на свое водительское место» в экономике и вести осторожную и избирательную торговую политику с развитыми странами, ибо огромная разница в уровне технико-экономического развития Казахстана с этими странами способствует выкачиванию из нас больших ресурсов.** На данном этапе глобализация выгодна им — развитым странам, а не нашей стране, отстающей от них в несколько раз по уровню техники, технологии и производительности труда. Свободная торговля выгодна обеим сторонам, если они находятся на одной стадии развития. И это убедительно доказано историей развития мировой экономики. С этих позиций нам будет весьма выгодно развитие в рамках ЕАЭС, но, без амбиций и синдрома «старшего брата», при подлинном равноправии стран в выработке его стратегии и тактики.

Свою, хотя и не высокоэффективную, но работающую многоотраслевую промышленность мы растеряли, растрепали за первые 3-5 лет рыноч-

ных реформ. А ее надо заново создавать, особенно современную обрабатывающую промышленность. Как свидетельствуют последние три столетия развития мировой экономики, именно создание эффективно работающей обрабатывающей индустрии решает стратегические проблемы отставшей в своем развитии страны: создаются национальная добавочная стоимость, новое количество рабочих мест, прибыль как источник роста зарплаты, новая база для налогообложения, улучшается денежное обращение. Недаром говорят, что истинные золотые рудники — это обрабатывающая промышленность.

А еще раньше до этого говорили, что обрабатывающая промышленность способна вылечить два заболевания человечества — суеверие и рабство. К чести Президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева следует сказать, что он очень хорошо понял стратегическую важность и преобразующую роль обрабатывающей промышленности в национальной экономике. В 2009 году он инициировал Программу форсированного индустриально-инновационного развития республики, которая выполняется по сей день. За это время построены около 1000 новых предприятий, появилось производство свыше 500 новых видов промышленной продукции, растет производительность труда в отрасли.

Вместе с тем, мы имеем невысокие показатели по индексу сложности экономики, то есть по удельному весу продуктов, в производстве которых Казахстан имеет устойчивое конкурентное преимущество. За 2000-2015 годы произошло снижение данного

индекса с -0,31 до -0,52, в то время как в России этот индекс составляет 0,21, в Малайзии равен 1,08. Происходит это по трем причинам.

Во-первых, в целях обеспечения занятости населения мы создавали рабочие места низкой сложности, такие как ремонт дорог, строительство овощехранилищ, теплиц и тому подобных. Если посмотреть внимательно на перечень, введенных по программе ГПФИИР объектов, то там можно найти немалое количество предприятий несложной технологии и низкой отдачи. В отсутствие альтернативных источников занятости в стране имело место создание производств с убывающей отдачей. Этим самовоспроизводится порочный круг.

Во-вторых, мы по-прежнему усиленно вводим новые горнорудные предприятия, а они — как хозяйствующие субъекты — не с возрастающей, а с убывающей отдачей.

И в-третьих, очень мало, чрезвычайно мало предприятий высоких технологий, способных создать конкурентное преимущество своей продукции на мировом рынке. Из всего этого следует, что качественного прорыва в технологическом развитии Казахстана все еще не видно. А именно это — центральная, ключевая проблема экономического развития страны. Если мы как развивающаяся страна участвуем в технологическом развитии в качестве потребителей, ни зарплата, ни покупательная способность населения у нас не вырастет.

Низкий индекс сложности и низкая производительность труда в аграрном секторе страны. Как

говорил выдающийся философ прошлого Давид Юм: «Проблему аграрной отрасли надо решать кружным путем» — то есть через развитие обрабатывающей промышленности. Ибо комплексная механизация сельскохозяйственного производства возможна только с развитием промышленности, способной поставлять селу весь шлейф техники.

На наш взгляд, следовало бы вести также разумную протекционистскую политику с целью защиты отдельных видов и отраслей отечественной промышленности. В мире, особенно со стороны упомянутых ранее международных организаций, нередко призывы к ограничению протекции, что она бесполезна для многих новых отраслей из-за практически нулевого пространственно-временного сопротивления. Но, в реальности, дело обстоит не совсем так. Есть страны, которые умело пользуются протекционистскими мерами. США, к примеру, проповедуя свободу торговли ради общего блага, тем не менее, сами субсидируют и защищают множество своих отраслей, от сельского хозяйства до высоких технологий. Развитые страны ввели ограничения или даже запрет на импорт сельскохозяйственной продукции из бедных стран с целью защитить аналогичную отрасль своих стран от внешней конкуренции. И эту политику нельзя называть иначе, чем протекционистской. США ежегодно выделяют 45 млрд. долларов на поддержку сельского хозяйства, в Европейском Союзе уровень поддержки сельского хозяйства, включая экспортные субсидии, составляют 43% валовой добавленной стоимости. В Казахстане

уровень поддержки сельского хозяйства в разы меньше, а экспортные субсидии запрещены, прежде всего, на транспортные расходы, что весьма важно ввиду значительной удаленности страны от ведущих мировых рынков.

Правила ВТО, в частности, принцип «единого пакета соглашений», о котором нами уже говорилось, обязательные для новых членов, вступивших в эту международную организацию после 1995 года, это тоже смахивает на протекцию странам, вступившим в него до этого времени. Как известно, до 1995 года все развитые страны стали членами ВТО и они имели право подписывать те или иные соглашения в зависимости от их целесообразности для своей экономики, то есть имели альтернативу, а новые члены ВТО после 1995 года, а они, в своей основной массе, бывшие республики СССР и в целом социалистического лагеря, такой альтернативы не имели.

Весьма важную роль для экономики играет уровень ее тарифной защиты. Южная Корея, КНР, Индия в процессе реформ длительное время сохраняли уровень тарифов в 30% и выше. И по мере роста конкурентоспособности тех и или иных своих отраслей на внешнем рынке пошли на их постепенное снижение. Они полностью воспользовались имеющейся у них тарифной автономией.

У Казахстана нет и не было подлинной тарифной автономии. О том, как она ограничена правилами ВТО, мы уже говорили. В определенной степени наша тарифная автономия ограничена и правилами Евразийского экономического союза. Здесь

весьма часты нарушения торговых соглашений со ссылкой на технический регламент и другие обстоятельства. А еще раньше, после скоропалительной либерализации, весьма низкая тарифная защита, можно даже сказать ее отсутствие, привели к тому, что мы потеряли многие предприятия, в особенности легкой и пищевой промышленности. В результате 70% продовольственных товаров и до 80% товаров легкой промышленности Казахстан сейчас завозит извне, хотя страна обладает громадным запасом сырья для этих отраслей. От 30 до 50% этого сырья сегодня не перерабатывается. Один из возможных серьезных источников развития экономики кроется в возрождении на новой технологической основе этих отраслей, что невозможно сделать без серьезных субсидий и тарифной защиты их предприятий на стадии становления, но сейчас эта защита слаба. **Уровень тарифов в Казахстане на 15,7% ниже, чем в России и на 36% ниже, чем в КНР — этих основных торговых партнеров нашей страны.**

У Казахстана нет возможности повысить тарифы или какими-то другими мерами ограничить завоз в страну товаров, которые могут нанести ущерб нашему собственному производству. Взять, к примеру, ситуацию с реализацией отечественного зерна, собранного с наших полей летом 2017 года. В связи с тем, что Россия в этом году собрала обильный урожай зерновых, ее пшеница 4-го класса по цене 32 доллара за тонну в больших количествах стала завозиться в Казахстан, заполнив наши хранилища и мукомольные предприятия. В то же время такое же наше зерно 4-го класса по цене

34 доллара за тонну, не находя своевременного сбыта, поставило в весьма затруднительное положение отечественных аграриев. И вовсе непонятно, почему не были введены защитные меры, предусмотренные еще правилами ГАТТ, которые могут временно вводиться, когда стране угрожает сильный наплыв импорта.

В целом, как отмечают исследователи грантового проекта «Евразийская интеграция: асимметрии и эффективность»⁸ взаимная торговля внутри Таможенного союза и Единого экономического пространства пока складывается не в пользу Казахстана. Начиная с 2014 года, к примеру, отрицательное сальдо взаимной торговли Казахстана с Российской Федерацией и Беларусью составляет 6-8 млрд. долларов ежегодно. Сказывается весьма серьезная наследственная асимметрия в экономическом развитии России и Казахстана в советский период, когда многие виды готовой продукции в виде оборудования, приборов, новых технологий в Казахстан поступали из Российской Федерации, а из Казахстана к ней — минерально-сырьевые ресурсы. Для преодоления этой асимметрии требуется тщательно продуманная и целенаправленная политика. Таким образом, мы рассмотрели некоторые внешние экономические факторы, которые не совсем благоприятны для экономического развития Казахстана. А отсюда необходима гибкость экономической политики и умение проявить самостоятельность для преодоления ее негативных последствий.

⁸ Ж. Мысль, №1, 2018г., С.5-12.

